
Г 59 6/85
автограф

~~Г 59 6/85.~~ Оик фруп.

Бор. Глубоковскому,

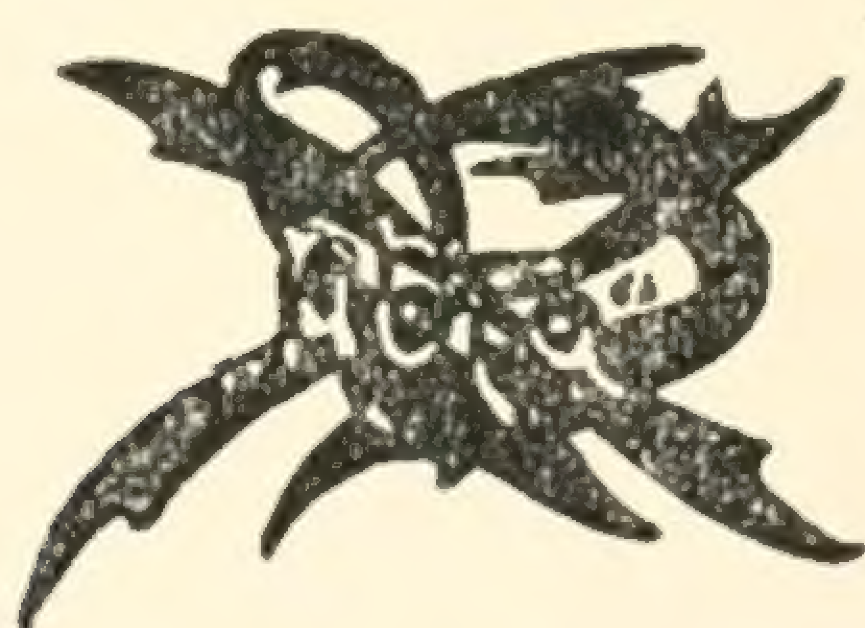
ставшему дорогим

Конст Бальмонт

27. VII. 17 г

Конст. Большаковъ

Поэма Событій

К-во „ПѢТА“ 1916

КНИГА ОТПЕЧАТАНА ВЪ ТИПОГРАФІИ „АВТОМОБИЛИСТЪ“ ДЛЯ К-ВА „ПѢТА“ ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 448 НУМЕРОВАННЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ ВЪ ФЕВРАЛѢ ТЫСЯЧА
= ДЕВЯТЬСОТЪ ШЕСТНАДЦАТАГО ГОДА. =

№№ 1—7 (авториз.) . . .	5	р. —	к.
№№ 8—12	3	„ —	„
№№ 13—62	1	„ 50	„
№№ 63—448	—	„ 50	„

И ПЯТИ ИМЕННЫХЪ

ЭКЗЕМПЛЯРЪ № 46

Юрію Александровичу Эгерту

ПОСВЯЩЕНІЕ I.

Нѣтъ здѣсь не Вамъ... и бархатный околышъ.
Тульи голубоватой желтый кантъ, и грустный взоръ,
И тонкихъ пальцевъ хрустъ, и хрупкій голосъ
Фарфоровый, какъ сонъ... костеръ,
Зажженный изъ сердецъ, серебряныя елки
Насъ обступили, ждутъ,—
Вчера—. . . . . . ., дремавшій по проселку,
Сегодня—маятникъ минутъ.
Чуть розоватыми снѣгами въ дали
Уходитъ грусть полей.
Вамъ шепоты печали
Моей.

Все въ Васъ
Отъ удивленности пробора
До глазъ,
Похожихъ на топазъ...
Минутъ моихъ минуты слишкомъ скоро
Несутся... А у Васъ?
У Васъ такихъ томленій названныя сестры
Ткутъ счастья медленную нить,
Но кто такъ остро
Могъ любить?

ПОСВЯЩЕНІЕ II.

О, темный шелкъ кудрей, о, профиль Антиноя,
И грудь, и шея, вы о, пальцы хрупкихъ рукъ,
О васъ, лишь помня васъ, сегодня сердце ноетъ
Однимъ предчувствіемъ томяще-сладкихъ мукъ.
Единственный, какъ свѣтъ, безцѣнно-милый другъ,
Вы, чьи глаза, какъ день, наполненные зноемъ
Іюльской синевы, двѣ чаши сладкихъ мукъ,
И Вы пройдете въ тѣнь, и профиль Антиноя
Забудется, какъ все, какъ пальцы хрупкихъ рукъ.

Май 1915 г.

ПРОЛОГЪ.

Эхо „Сердца въ перчаткѣ“.

Какъ вздохъ,
Вы, выходя изъ померкшей были,
Нити жемчужныхъ стиховъ.
По нервамъ электричество строчекъ пролилъ,
И каждая строчка билась въ истерикѣ словъ.

Улицы заплаканныя нахмурились,—
Слезы, какъ дождь на троттуары прокапали,
Будто дрожитъ въ лазури листъ
Въ хрустальной осени Неаполя,
Будто шуршанье торопливыхъ резинокъ,
Стирающихъ на улицахъ лица и глаза,
Среди незамѣтныхъ дождливыхъ слезинокъ
Вытекла огромная, какъ время, слеза.

Пролившее ее глазище
Витринной скуки, гдѣ,
Хлопая галошами, разбѣжалось кладбище
По улицамь и лицамъ избитыхъ площадей,
Сморщилось, и сегодня быть можетъ на подоконникѣ.
Съ канарейкой сдружившаяся герань
Выростила для васъ однихъ, покойники,
Цвѣточекъ хилый и простенькій, какъ Рязань.
Быть можетъ, сегодня не тѣхъ отыщете,
Кто съ газетныхъ объявленій спустился къ вамъ,
Можетъ, не для васъ сегодня тысячи тѣ,
Что строились въ роты по набраннымъ петитомъ словамъ,
И, быть можеть, мнѣ, нѣжному съ послѣднимъ ударомъ,
Башенныхъ часовъ уже не много съ этихъ поръ
Осталось обрызгивать, какъ росой, троттуары
Хрустальнымъ звяканьемъ шпоръ,
А говоръ часовъ, какъ говоръ фонтана,
И вы узнаете въ его серебрѣ меня...
Время, вѣдь рано!
И въ костлявыхъ пальцахъ времени
Высохла, какъ цвѣтокъ, душа.

Не спѣша,
Объ ней на маленькой свѣчечкѣ обѣдню
Выстроить склепомъ великолѣпнымъ у Иверской
Шурша,
Пробѣжали межь пальцевъ въ послѣдній
Разъ обо мнѣ всѣ газетныя вырѣзки.

ГЛАВА I.

Шаги тревоги.

Какъ нѣкогда Блудному Сыну отчаго
Дома непереступаемой казалась ступень,
Сквозь разсвѣтъ, мутнымъ сумракомъ подтчивая,
Къ самому окну просунулся небритый день,
И еще въ іюлѣ чехломъ укрытая люстра,
Какъ повѣшенный обездоленный человѣкъ,
Замигала глазенками шустро
Сквозь рѣсницы зубами скрежещущихъ вѣкъ.
Въ изодранныхъ газетахъ извѣстія штопали,
Толкаясь лѣзли въ послѣдніе первыми,
А тоска у прямящагося тополя
Звенитъ и звенитъ серебрянными нервами.
Кто то бродитъ печальный и измѣнчивый.
У кого то сердце оказалось не въ порядкѣ,
И мертвый покатился удивленно и застѣнчиво
По скрипучимъ periламъ лѣстницы шаткой...
Въ черный вечеръ прошелъ господинъ и вынесъ
Оттуда измазанный и громадный комъ,
А когда спросили: что это?—„Дыня съ",—
Расшаркался, а потомъ
Мутью бездумья съ утра изслюнявилъ
Закапанную чернилами ручку скуки...

. . . .

. . . .

И въ чемъ уплылъ, какъ не въ кровати ли
Въ пространство внѣмірное, прочитавъ въ газетѣ,
Что штыками затопорщились усы у обывателей,
И тяжелую артиллерію выкатываютъ дѣти.

Это все объ немъ: какъ онъ простенькій и сѣренькій,
Житель равнодушья и потомокъ городовъ рода,
Никогда не слыхавшій объ Іерингѣ
И объ его опредѣленіи абсолютной свободы,
Вскинулся и затопалъ,
И его шагами ночь хохотала гулко,—
„Смотрите, смотрите: я землю заштопалъ
Извилистой ниткой глухого переулка"...
Утро снимало синія кольца
Съ измученныхъ взоровъ, одѣвшихся въ блѣдный свѣтъ,
И смотрѣло, какъ падали и падали добровольцы
На звоны убитыхъ побѣдъ.
А Вы молчали,
Вѣдь здѣсь же не Вамъ, смотря на нихъ,
Потому что жемчужины Вашей печали,
Какъ капли берилла, падаютъ въ стихъ.
Скажите! Скажете? Улыбкою Цезаря,
Не вынесши этой ночи упорной и беззвѣздной,
Распустившаяся на Вашемъ лицѣ заря
Поплыла надъ качнувшейся бездной.
Разсчитывая удары,
Надъ сумракомъ взвился багряный топоръ.
Ахъ, не обрызгивать, не обрызгивать больше троттуары,
Какъ росой, хрустальнымъ звяканьемъ шпоръ.

ГЛАВА II.

Городъ въ телеграммахъ.

Одѣваются въ ночную мглу дни,
Перегнувшіеся на подобіе Z'а.

Ахъ, сегодня только пополудни
Вышли утреннія газеты.

Снѣгомъ вырощенный городъ сутулится,
Закиданный выкриками телеграммныхъ вѣстей,
И костлявыя и тощія улицы
Въ хрустящемъ блескѣ бѣлыхъ костей,
А съ экрановъ кинемо и столбцовъ набора
Гордо раздулись выкрики о побѣдѣ,
Орущіе въ трескѣ разрушенныхъ вѣтромъ заборовъ
Поющей трамвайной мѣди.
Городъ въ огняхъ и золотѣ, бѣлыя шляпы
Гордо вздувшихся стеклянныхъ крышъ,
Какъ нѣкій драконъ, свои черныя лапы,
Лѣниво разбросивъ, ты спишь,
И ко всему безразличною пастью вѣсти,
Схваченныхъ на лету убитыхъ и побѣдъ,
Ты разсасываешь въ жилы предмѣстій,
Черныя отъ копоти десятковъ лѣтъ,
Чтобы тамъ надъ рушащимся гуломъ
Неустанныхъ фабрикъ и заводовъ слезъ
Чья то раненая душа уснула
Просто, какъ дѣти, безъ трагизма и позъ,
Чтобъ она окровавленнымъ слѣдомъ мостить
Лощеныя улицы никогда не смѣла,
Сѣдое и сѣрое, какъ „Русскія Вѣдомости",
Вывѣшено праздничнымъ флагомъ небо.

А гдѣ то въ лабиринтахъ косящихъ предмѣстій
Вѣтеръ проноситъ чей то неумѣстный плачъ
О кѣмъ то когда то и гдѣ то забытой невѣстѣ
Въ осеннемъ молчаньи пустѣющихъ дачъ.

А съ экрановъ кинемо и столбцовъ набора
Не устало глядѣться извѣстье,
Орущее въ трескѣ разрушеныхъ вѣтромъ заборовъ
Вь косящихъ лабиринтахъ предмѣстій...
Ахъ сегодня только пополудни
Вышли утреннія газеты.
Что изъ того, что одѣты въ ночную мглу дни,
Перегнувшіеся, какъ изображеніе Z'а?

ГЛАВА III.

Она.

Какъ Прекрасной Дамѣ дни
Посвящали поэты и любовники,
Тебѣ рожденной въ ликующемъ пламени
Въ багряныхъ ранахъ, какъ кустъ шиповника,
Тебѣ одной—газетную истину
Поворачивая, какъ кули на кранахъ,
Гдѣ то въ южныхъ моряхъ затеряной пристани
Слѣпящимся глазомъ на брызжущихъ ранахъ
Въ громадѣ черной глухой безсонницы
Ты разрубила дыханье артерій
Разящимъ летомъ гремящей конницы
Громовымъ кашлемъ артиллеріи,
Надъ тѣломъ Польшъ и Бельгій элегію вымысловъ
Одѣла въ лохмотья газетныхъ сенсацій
И за земною осью вынесла
Вращенье судебъ двѣнадцати націй...

Шлешь ли умершихъ въ волны лазури
Полкъ за полкомъ... и сколько?
Ты разбила хрустальное имя „Юрій“
Дымомъ орудій на тысячу осколковъ.

Ахъ, въ каждомъ осколкѣ, какъ иголка боли,
Жалобныя рученки, изъ моря просящіяся на сушу,
И не довольно, не довольно, что раскололи
Хрустальное имя, мою бѣдную душу.

ГЛАВА IV *.

Дышатъ убитые...

Дышатъ убитые. Въ восторгѣ трепетномъ
Мертвые на поляхъ сраженій поднимутъ головы,
Когда багровое солнце слѣпитъ намъ
Память изъ олова темнаго и тяжелаго.
День за днемъ измученно сгоритъ Вамъ
Весь въ пѣнѣ жестокимъ посыломъ трясущейся лошади.
Эти простыя слова, какъ молитву,
Въ губы растрескавшіяся вложите:

Какъ не касаться кубка пытокъ **
Губами жаждующими губъ,—
Простыхъ рѣчей неясный свитокъ,
Упавшій на остывшій трупъ.

---

* Ранѣе напечатана въ Н. Ж. для Всѣхъ № 12, 1915.
** Стихи Ю. А. Эгерта.

Когда никто не потревожитъ
Истончившійся бѣлый лобъ,
Тяжелый вздохъ къ Престолу Божью
Сошелъ покорно въ бѣлый гробъ.

Вѣдь это было, это снилось,
Вѣдь этимъ кто то гдѣ то жилъ,
И вотъ Архангелъ лѣвый клиросъ
Крыломъ волнующимъ прикрылъ.

Въ дрожаньи пѣнья это-ль снится,
Что не вернется, нѣтъ? И пусть
Въ полуопущенныхъ рѣсницахъ
Не умерла былая грусть

Лѣниво бросить взоръ усталый,
Когда, открывъ безкровье ранъ,
Сѣдое утро умирало,
Вцѣпившись судоржно въ туманъ.

Казалось: тусклый свѣтъ не брызнетъ
Въ рѣшетки оконъ расписныхъ,
А хоръ о тѣлѣ бѣдной жизни
Тянулъ разсвѣту блѣдный стихъ.

Это Вамъ въ сумракѣ отходящаго поѣзда
Дѣвушка рыданья повѣсила, какъ крестикъ,
Мнѣ холодно, холодно, и отъ холода боязно
Умереть теперь съ Вами не вмѣстѣ.
Это кто то теплое слово, какъ ласку,
Какъ ласку, приготовилъ къ зимней стужѣ
И груститъ объ одномъ,

Что сердце всегда попросится въ сказку,
Что сердцу захочется холода, холода октябрьской лужи,
Лужи съ хрустальнымъ и звонкимъ льдомъ.

ГЛАВА V *.

У меня—глаза, какъ будто въ озерѣ
Утопилась дѣвушка, не пожелавшая стать матерью,
Это мои послѣдніе козыри
У жизни стелющейся бѣлоснѣжной скатертью.
Надъ облитыми горечью троттуарными плитами
Грусть, какъ въ оправу, вложу въ истомленный взоръ
Я, безстрастно смотрѣвшій въ тоскою залитыя
Глаза, зеркала осеннихъ озеръ,
Я, прошедшій сквозь пламя іюлей
Тысячей горящихъ любовей,
Сегодня никну въ разсвѣтномъ тюлѣ
Безстрастнымъ токомъ холодной крови.
А гдѣ то рудой раскаленной изъ горна
Текущій тяжко мѣдный закатъ,
Запекшійся кровью багряной и черной
Выстроилъ сотни хрустальныхъ палатъ,
Залилъ бриллiанты текучаго глетчера.
Дробящійся въ граняхъ алмазный свѣтъ,
Девятнадцать исполнилось лѣтъ вчера,
А сегодня ихъ уже нѣтъ.
Надъ смертью безстрастные, тонкіе стебли,

* Ранѣе напечатана въ Альманахѣ: Студенчество жертвамъ войны.

Какъ лиліи, памяти узкіе руки,
А день извиваясь треплетъ и треплетъ
Надъ городомъ знамя столѣтнее скуки,
И въ шепотѣ крыльевъ ея алтарями побѣдѣ
Души сложили усталыя всѣ мы,
Какъ изъ своихъ и заботливо-скрытыхъ трагедій
Открытыя каждому и міру поэмы.
Вамъ, мертвому, какъ живому,
Памяти Вашихъ тонкихъ изысканныхъ рукъ
Сложу въ печали померкшую днями истому
Въ тревогѣ родившихся мукъ.
Я нашепчу словами нѣжнѣйшими
Вамъ о томъ, какъ въ вечерней комнатѣ
Тихіе шорохи кажутся гейшами
Только вспомните, вспомните.
Вспомните, сложенъ какъ
Съ кожей лепестками полураскрытыхъ розъ
Вашъ единственный, милый Боженька
Въ ризѣ улыбокъ и слезъ.
Вспомните, какъ слова похожія
На глаза грустящихъ и забытыхъ невѣстъ,
Падаютъ и падаютъ, какъ жемчужины къ подножію,
Гдѣ воздвигнутъ грядущихъ распятій крестъ.
Вспомните! Вы вѣдь не умерли!
Каждую ночь,—вѣдь это же Вы,—
Спускается ангелъ въ сновъ моихъ сумерки
Съ лучистымъ взоромъ изъ синевы.

Умру молодой или старый,—
Послѣднее на землѣ этотъ взоръ.
Ахъ, не обрызгивать, не обрызгивать больше троттуары
Какъ росой, хрустальнымъ звяканьемъ шпоръ.

ГЛАВА VI и ПОСЛѢДНЯЯ.

Послѣднее.

Солнце, обошедшее милліардъ и больше
Разъ землю, посмотри,—
. . . .
. . . .
По минутамъ, какъ по ступенямъ
Сходятъ молитвы съ усталыхъ губъ.
Это въ нихъ . . . . души весеннимъ
Дыханьемъ ангелы вложатъ и сберегутъ.
А сердцу усталому окунаться въ сказки,
Какъ въ невиданный и желанный сонъ,
Только одно, одно—скорѣе бы пасха
Такой хрустальный, словно вымытый солнцемъ звонъ
И это послѣднее, послѣднее,—
Больше уже не мы, а кто?
За весенней . . . .
. . . .
Всѣ, всѣ умерли,—
И вотъ онъ обходитъ по голой землѣ,
Кутаясь въ свой—не дьявольскій юморъ ли?—
Кругъ обнищавшихъ плодородьемъ полей,
Вѣдь сегодня событья желѣзной рукою
Вбросили въ пламя милліоны мятущихся душъ,
И въ плачѣ печали влюбленные скроютъ
Съ кровью смѣшавшійся пьяный тушъ.
Завтра, быть можетъ, въ ярости ядрамъ
Земля, открывавшая грудь,
Воздвигнется новыхъ трагедій театромъ,
Вонзивъ въ свое сердце пронзительно-долгій путь,

Сквозь щели скилетовъ убитыхъ, сквозь груду
Тлѣющихъ тѣлъ, новыя племена
Проростутъ, ...
. . . .
. . . .
Памяти купаться весело
Въ розовой, вечерней влагѣ всѣхъ воспоминаній
Дни прошли, и что настанетъ
Новое, если попрежнему нежданные гости
Приходятъ къ поэтамъ душистые пѣсни,
Кажущіеся имъ самимъ чудеснѣй
Краевъ вечернихъ и телѣсно-розовыхъ облаковъ.
. . . .
. . . .
Можетъ быть, въ чьихъ нибудь пестрыхъ одеждахъ фантазій
Души павшихъ пышно отойдутъ ко сну.
Нынѣ я въ прилежномъ разсказѣ
. . . . вамъ написалъ про войну.
Поэты грядущіе, которыхъ не похоронятъ
Въ памяти строчекъ, открытыхъ всѣмъ,
Вспомните, что Великой войной въ такомъ полку и въ такомъ то эскадронѣ
Убита великолѣпнѣйшая изъ великолѣпныхъ поэмъ.

Тверь—Москва.
XI 914—I 915.

Книги Конст. Большакова.

Le futur. I книга стиховъ. Рис. и обл. Н. Гончаровой и М. Ларіонова. М. 1913 г. (конфисковано).

Сердце въ перчаткѣ. Стихи. Обл. Н. Гончаровой. К-во „Мезонинъ Поэзіи“. М. 1913 г. (распродано).

Поэма Событій. Нумерованное изданіе. К-во „Пѣта“ М. 1916 г. Ц. 50 к.

Королева модъ. Лирическіе діалоги. Обл. Н. Большакова. К-во „Пѣта“ М. 1916 г. Ц. 1 р.

Земная смерть. Повѣсть (печатается).

Солнце на излетѣ. II книга стиховъ (печатается).

Дьяволъ изъ мрамора. Лирич. драма (готовится).

РСФСР
193 г.

